

ЭФФЕКТ КОЛЕИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ И МЕНЯЮЩИЕСЯ КАНОНЫ ПРОФЕССИИ ИСТОРИКА: ПРАКТИКИ ВЫБОРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ

УДК 930:1:316

doi 10.17072/2219-3111-2020-3-5-16

PATH DEPENDENCE, ПОЛИТИКА ВРЕМЕНИ И МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

З. А. ЧеканцеваИнститут всеобщей истории РАН, 119334, Москва, Ленинский пр., 32 а
zinaidachekantseva@gmail.com

Path dependence, используемая в социальных науках для моделирования динамики разнообразных явлений, дает возможность поразмышлять о том, как устроено знание о прошлом. Этнос истории и ее роль в жизни людей в новом тысячелетии занимает большое место в трансдисциплинарных исследовательских программах и дискуссиях, в которых участвуют не только историки, но и философы и представители всех наук без исключения. В этих далеких от завершения дебатах важное место принадлежит историографии, на основе которой переопределяются ключевые концепты познания: время, причинность, рациональность, истина, объективность и пр. Речь идет о переосмыслении концептуальных оснований исторического познания и становлении новой исторической культуры. В статье обсуждаются современные дискуссионные тренды в эпистемологии историографии, связанные с проблематикой исторической динамики. Анализ авангардных тенденций в интеллектуальной культуре позволяет показать, каким образом происходят изменения в понимании и производстве *исторического*. В условиях стремительно меняющегося мира и радикального обновления темпорального опыта открытие *политики времени*, переосмысление *историчности*, поиск качественного *времени истории* вносят важные нюансы в понимание специфики современного исторического исследования, рождающегося на пересечении теории и практики. В культуре утверждается мысль о перформативной роли истории и историков в нашей современности. Историки не просто изучают прошлое, они участвуют в формировании историчности и темпорального режима, в котором живут, помогая людям анализировать жизненные ситуации, принимать решения, формировать правила коммуникации и создавать «институты» как базовые культурные структуры, определяющие жизнь в настоящем и позволяющие находить в ней ресурсы для размышлений о будущем.

Ключевые слова: Path dependence, знание о прошлом, эпистемология историографии, трансдисциплинарность, историчность, политика времени, историческое время.

«Изучать историю – значит иметь дело с хаосом
и, тем не менее, сохранять веру в порядок и смысл»
Герман Гессе

Path dependence и знание о прошлом

Модель «зависимости от предшествующего развития», или *path dependence* (далее PD), появившаяся в экономической науке 1980-х, сопровождается тезисом «история имеет значение». При этом история понимается как «прошлое», которое способно влиять на поведение и решения людей в будущем. «История имеет значение, – пишет Д. Норт. – Она имеет значение не просто потому, что мы можем извлечь уроки из прошлого, но и потому, что настоящее и будущее связаны с прошлой непрерывностью институтов общества. Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым» [Норт, 1997, с.5]. Традиционно думающего историка этот пассаж может вдохновить лишь на выявление линейной каузальности и детерми-

нистское объяснение. Однако основатели неoinституционализма Дуглас Норт и Роберт Фогель получили в 1993 г. Нобелевскую премию за применение новых методов в изучении экономических процессов, которые стимулировали обновление экономической истории и исторической теории. Цель исследований, созданных в русле «новой экономической истории», – понять функционирование экономики во времени, максимально учитывая деятельность людей, что предполагает использование вероятностного подхода. Ключевым в работах такого рода стало введенное Нортом понятие «института». По Норту, это «правила игры», определяющие характер коммуникации в обществе. Они задают структуру мотивов человеческого взаимодействия в политике, социальной сфере и экономике. Институциональные изменения во многом определяют характер трансформации социума и являются ключом к пониманию исторических перемен. Последователи Норта показали, что «история имеет значение» не потому, что прошлое предопределяет настоящее и будущее, в том числе наш выбор в настоящем, а потому, что она контингентна, то есть открыта и непредсказуема. При таком понимании исторической динамики непредвиденные обстоятельства, даже если речь идет о незначительных событиях, могут, вопреки прогнозам, привести к неожиданному результату.

В последние десятилетия идеи PD используются при моделировании динамики явлений различной природы в социальных науках, прежде всего в социологии и политологии. В таких исследованиях речь идет не только о технологических и экономических процессах, но и о концептуальных основаниях творческой деятельности, эффективности рационального выбора в разных сферах институционального развития, соотношении инерционного и инновационного для динамики институтов и пр. Существует множество теоретических стратегий, объясняющих «зависимость от предшествующего развития». Все они иницируют расстановку новых онтологических акцентов в социальных науках, подчеркивая важность фактора времени и характера изменений. Можно ли применить идеи, связанные с PD, к изучению научной деятельности? Ответ, на мой взгляд, может быть утвердительным, ибо наука является помимо прочего комплексом социальных установлений и взаимодействий.

Исторический поворот в познании, который нередко связывают с моделью PD [Тоштен-даль, 2010], сопровождается радикальным обновлением темпорального опыта. «Прошлое становится не горизонтом прояснения смысла, а, напротив, обоснованием его отсутствия. Сам вопрос о смысле стремительно стареет вместе со всем организованным, рациональным, обоснованным», формируется «новый взгляд на историчность человеческого существования, не вполне понятую, не додуманную до конца и, возможно, только подлежащую еще будущим исследованиям» [Казакова, 2012, с.7, 14]. Полемика вокруг моделей, создаваемых в русле неoinституционализма выводит на актуальный сегодня вопрос о том, как устроено знание о прошлом.

Этос истории и ее роль в жизни людей в новом тысячелетии занимает большое место в трансдисциплинарных исследовательских программах и дискуссиях, в которых участвуют не только историки, но и представители всех наук без исключения. В этих далеких от завершения дебатах важное место принадлежит историографии, на основе которой переопределяются ключевые концепты познания: время, причинность, рациональность, истина, объективность и пр. Речь идет о переосмыслении концептуальных оснований исторического познания и становлении новой исторической культуры. В статье обсуждаются современные дискуссионные тренды в эпистемологии историографии, связанные с проблематикой исторической динамики и такими базовыми для исторического познания понятиями как *историчность*, *историческое время* и *политика времени*.

Основатель сложного мышления французский социолог Эдгар Морэн пишет: «Любое знание, которое изолирует объект, является более или менее искаженным знанием. Конечно, никто никогда не достигнет полного знания. То, что я называю сложным знанием, это не полное знание, а знание, которое признает неопределенность внутри себя, которое отдает себе отчет о том, что не является абсолютным, но хочет соединять (*relier*), чтобы попытаться увидеть различные аспекты одной и той же реальности» [Морен, 2005].

История – это сложное знание. Об этом много написано, поэтому я ограничусь ссылкой на Поля Рикера, которого цитирует Жак Ле Гофф. «История – это поистине царство неопределенности. Такое открытие не бесполезно; оно оправдывает историка, оправдывает все его труд-

ности. Исторический метод может быть лишь неточным методом... История хочет быть объективной, но она не может быть таковой. Она старается вновь возродить прошедшее, но способна только реконструировать. Она хочет все сделать живущим в одно и то же время, но одновременно ей приходится восстанавливать дистанцию и глубину исторического отстояния. В конечном счете это размышление направлено на оправдание всех апорий, присущих ремеслу историка, – тех, которые обозначил Марк Блок в своей речи в защиту истории и исторического ремесла. Эти трудности не обусловлены пороками метода; это глубоко обоснованные двойственности» [Ле Гофф, 2013, с.140]. Они связаны не только с субъективностью историка, но и прежде всего с природой исторического познания, смысл которого заключается в изучении *отсутствующего прошлого*, которое историк описывает в своем *живом настоящем*. Странности такого знания отражает семантическая многозначность понятия *история*, в частности, то, что существует *История* с большой буквы – как процесс «последовательно сменяющихся моментов настоящего» и *история* с маленькой буквы – как знание об этом процессе, создаваемое поколениями историков. При этом каждое поколение пишет свою историю.

Ситуацию осложняет то, что историческое знание имеет мировоззренческое значение и его содержание зависит от общества, в котором оно функционирует. История историков оказывает влияние на политические представления о прошлом и одновременно испытывает воздействие стереотипов, растворенных в коллективной памяти отдельных групп и социума в целом. Кроме того, «сама историография не обладает достаточно стойким иммунитетом от прагматических соображений» (Л.П. Репина) (см. [Феномен прошлого, 2005, с. 168]). Историки уверены в том, что презентизм как эпистемологическая стратегия лишает их самостоятельности, и в то же время оправдывают актуальность своего исследования, обращаясь к проблемам и концептам настоящего. Мишель де Серто убедительно показал противоречивость и «кабалу» исторического письма, в процессе которого История превращается в культурный артефакт. «Лишь ценой искажения можно включить «опыт» в другую, тоже социальную, но еще и символическую, письменную практику, которая замещает труд исследования авторитетом знания» [Серто, 2014].

Один из парадоксов исторической науки заключается в том, что историки даже в периоды подъемов собственной академической дисциплины постоянно сомневаются в целесообразности своих усилий. Сомнение присутствует в исследовательском поиске на всех стадиях историографической операции. Критическая составляющая исторического мышления, отчасти объясняя эту неуверенность, приводит к тому, что «пересмотр вопроса об основаниях и есть само основание исторических наук» [Бурдые, 1996, с.12].

Марк Блок считал, что «сама мысль о том, что прошлое как таковое может быть объектом науки, абсурдна» [Bloch, 1974, p.32–33]. Это мнение разделяют многие известные историки, среди которых Б. Кроче, Э. Карр, Р. Дж. Коллингвуд, П. Вен, М. де Серто, М. Фуко, Ж. Ле Гофф, и современные интеллектуалы, в текстах которых можно найти убедительные аргументы в пользу отказа от сомнительного определения «история – наука о прошлом» [Полтавцева, 1997; Morsel, 2016]. Не удивительно, что «понимание прошлого» сегодня воспринимается как «остро переживаемый дефицит духовности глобализирующегося мира» [Казакова, 2012, с. 8]. Противоречивые образы предшествующего развития, представленные в академических исследованиях, а также в журналистике, кинематографе, литературе, искусстве, все чаще переключают внимание на текущую жизнь, стимулируя обновление способов постижения исторического (см., например, [Историки в поисках..., 2019]).

Историчность и концептуальная изменчивость истории

Историческая наука как автономная дисциплина оформилась в XIX в., но отцом истории, как известно, считается Геродот. Тем не менее до сих пор природа *исторического* остается загадкой. Мы говорим «историческое сознание», «историческое мышление», «историческое время», «историческое событие», «историческая память». Но что такое *историческое*, что означает это вездесущее прилагательное? Этот вопрос давно занимает философов и ученых, а во второй половине XX в. его актуализировали, связав *историческое* с *историчностью*. Присутствие исторического измерения в философии и во всех науках без исключения, по-видимому, связано с явлением историчности. История, полагает Ж. Рансьер, «это не просто дисциплина, это фигура мысли, которая в определенный момент устанавливает смысл историчности, доминирующий в

качестве общей основы для схватывания объектов». [Rancière, 1995, p. 52.] Темпоральная составляющая историчности предопределяет ее изменчивость и зависимость от состояния исторического познания [Чеканцева, 2018].

Французский историк Жак Ревель писал, что историчность – это «опыт исторического времени». Однако это лапидарное определение предполагает ответ на два не простых вопроса: что такое опыт и что такое историческое время? Содержание историчности, как показывают современные исследования, не сводится к темпоральности [Шлыков, 2005, с.16]. Но темпоральное измерение историчности позволяет представить ее воплощением напряжения между качественным и количественным временем. При таком понимании эта категория выражает противоречие между опытом времени и его измерением.

«Очевидно, что до конца 1980-х годов в гуманитарных науках доминировала история, основанная на событийной хронологии, – пишет А. Мешонник. – В русле так понимаемой историчности исследовать что-либо исторически значит изучать то, что произошло в период, до и после определенного факта, существование которого можно зафиксировать на ленте времени» [Мешонник, 2014, с.74]. В таком случае историчность предстает как поток сменяющих друг друга событий и процессов. Однако отождествление историчности с историей проблематично, поскольку присущее этому понятию постижение смыслов времени предполагает наряду с последовательностью смещение и разрывы. Кроме того, после методологических поворотов рубежа XX и XXI вв. речь идет не только о специфике исторического знания, но и об историческом действии. В классическом познании историчность была искусством, позволяющим историку утверждать контроль своего времени над историческим актором прошлого. Сегодня из «общей рамки схватывания объектов» она становится «эффективной историчностью носителя действия (agent), позволяющей последнему играть со своим временем, действовать против времени, нарушать непрерывность современности». По сути речь идет о том, что «субъекты в принципе способны делать историю» (Ж. Рансьер) (цит. по [Aymes, 2004]).

В современной истории/историографии историки, изучая современность (прошлого или настоящего), стремятся выявить не только последовательности, но и разрывы и непрерывности, проходящие через мир сегодняшний. В таком поиске историчность, понимаемая как трансформация, становится центральным понятием. В исторических исследованиях речь идет не только об историчности истории как процесса, но и об историчности дискурса историков, рефлексивно воспринимающих свою практику и неизбежную зависимость от настоящего (см. [Noël, 2012]).

А. Мешонник, обосновав концепт радикальной историчности дискурса (le concept d'historicité radicale du langage), предложил философии и всем научным дисциплинам переосмыслить понятие историчности [Meschonnic, 1982]. Он полагал, что в истории «историчность – это не историцизм, который либо забывает наблюдателя (историка), либо все отдает ему, это скорее время отношения между субъектом истории и субъектом историописания» [Martin]. Более того, он был убежден, что взаимодействие дискурса и жизни достигает максимума не в истории, а в поэзии: «Историчность – это не история. Это трансформация. Мерило неизвестного, которое остается неизвестным». [Мешонник, 2014, с. 122]. Иными словами, историчность – это некое неуловимое явление, в котором воплощена энергия трансформации человека, социума и культуры во времени.

История неотделима от историка. Эта классическая фраза принадлежит французскому историку Анри-Ирене Марру, который выразил конституирующую связь исторического познания между знанием прошлого и настоящего с помощью уравнения: история = прошлое/настоящее. Историческое знание не является ни отражением прошлого, ни его реконструкцией, ни чистым продуктом настоящего. Это знание – результат сопряжения между прошлым и настоящим всего, что историк смог узнать о прошедшем, исследуя то, что сохранилось в настоящем, и представить в письменной форме в соответствии с дисциплинарным знанием, модальности которого формализованы историческим дискурсом и контекстами настоящего и будущего.

Понятие историчности приобретает эпистемологическое значение в условиях напряжения, возникающего между прошлым «как оно было» и его воплощением в текстах историка. Мишель Риот-Сарси пишет: «Думать об историчности как в режиме короткого времени, так и в русле *longue durée* – значит расшифровывать процесс производства истории в конфликтном

опыте изложения ее словами» [*Temporalités*, 2002]. При этом основное внимание уделяется значению, которое придаётся постоянно меняющемуся явлению в зависимости от субъекта, который его изучает как в его проявлениях в настоящем прошлом, так и в его будущем. Именно *присутствие* истории придает ей историчность. История исторична, потому что она производится в настоящем. Хейден Уайт писал, что «историческое знание менее детерминировано прошлым, чем литературным, эпистемологическим и идеологическим выбором историка: форма определяет содержание». Скрытому историческому характеру прошлого статус истории придает историк, работающий в настоящем [*Rüsen*, 2005, p. 82].

Историк не только исследует «прошлое» (past), имплицитно или конвенционально воспринимаемое как один из модусов времени [*Савельева, Полетаев*, 2000]. Его труд представляет собой интеллектуальную деятельность, которая «одновременно является поэтической, научной и философской» (Х. Уайт). Поэтому историческое исследование предполагает то или иное представление о природе интеллектуального изменения. «История может быть лишь наукой об изменении и объяснении изменений», – пишет Ле Гофф [*Ле Гофф*, 2013, с.18].

Понимание концептуальной изменчивости в философии и науке имеет давнюю историю и множество работающих моделей. Все они так или иначе связаны с изучением исторического. В историографии самой распространенной моделью является теория научных парадигм Томаса Куна, ядро которой составляет идея интеллектуальной революции как разрыва в развитии «нормальной науки». Популярность этой модели Стивен Тулмин объяснял тем, что термин «парадигма» был истолкован как эквивалент выражения «концептуальная система», понимаемого в «логическом смысле» традиционной философии [*Тулмин*, 1998, с.96]. Признавая, что структуралистская теория парадигм может служить ориентиром в истории науки, он полагал, что на уровне объяснения такая концептуализация интеллектуального процесса «не имеет реального теоретического значения» [Там же, с. 106].

В последние десятилетия философы и историки отдают предпочтение другой модели, связанной с трансформацией режима рациональности (Ст. Тулмин, В.С. Степин, А.В. Лубский и др.). «Вместо того, чтобы позволить себе расслабиться на доказанных в прошлом процедурах, новый выбор каждый раз ставит вопрос о долге перед будущим, голосуя в пользу тех образцов теории будущего, к познаваемости и плодотворности которых их защитники испытывают рациональное доверие», – пишет С. Тулмин [Там же, с. 234]. Нет сомнений в том, что рациональная инициатива играет важную роль в исследовательском поиске, хотя у рационального выбора есть ограничения, что убедительно показано в работах неонституционалистов. Кроме того, в условиях онтологического, материального и телесного поворотов в познании режим рациональности дополняется новыми элементами, связанными с материальным, коммуникативным, бессознательным, аффективным, эмоциональным. Эти новации постепенно входят в стремительно меняющиеся концептуализации интеллектуальной изменчивости.

Реже историки используют предложенную М. Фуко модель интеллектуального изменения, в основе которой идея о наличии в каждой исторической эпохе мощной структуры мышления (эпистемы), предполагающей определенный порядок взаимодействия слов и вещей. В работе «Слова и вещи» философ выделяет три основные эпистемы. Первая, определяя формы знания эпохи Возрождения, выстраивалась вокруг сходства вещей, выраженных в языке; вторая – классического периода – основывалась на «представлении» посредством дискурса, а третья организовывалась вокруг человека, который в познании выступает одновременно в качестве познающего субъекта и изучаемого объекта. Этот специфический порядок слов и вещей формировал дискурс и опыт в определенную эпоху, постоянно меняясь в ходе трансформаций и разрывов и порождая новые способы познания мира. Эту модель связывают с археологическим подходом Фуко, который сегодня представляется отчасти устаревшим (см. [*Garland*, 2014]).

М. Фуко прагматично относился к теории, понимая ее как набор инструментов, который подбирается всякий раз заново для решения предварительно хорошо продуманной и сформулированной проблемы. Но у мыслителя была «как минимум одна сквозная идея: использовать историю как средство критического взаимодействия с настоящим, которую он применил в своих концепциях "генеалогии" и "истории настоящего времени"» [Ibid.].

Генеалогический подход Фуко – это способ написания критической истории, в которой исторические материалы используются для «переоценки ценностей» наших дней. В русле тако-

го подхода историк прослеживает, как современные практики и институты возникли из специфической борьбы, конфликтов, союзов и проявлений власти, многие из которых в настоящее время забыты. При этом вместо нормативной аргументации предлагается серия проблемных ассоциаций и линий, позволяющих показать, что «институты и практики, которые мы ценим и принимаем как должное сегодня, на самом деле являются более проблематичными или более “опасными”, чем они кажутся» [Ibid.]. Ключевыми в этом подходе стали процедуры *диагноза, проблематизации и концептуализации*.

Поразительная продуктивность мышления Фуко позволила ему, используя генеалогический подход, предложить целый ряд принципиально новых концепций для каждого из явлений, которые он стремился объяснить (тюрьма, сексуальность, знание, власть и пр.) Кроме того, в своих работах Фуко убедительно показал наличие множества разрывов как в истории, так и в историографии, что сближает его понимание исторической динамики с концепцией Т. Куна и других ученых, которые проблематизировали одно из базовых оснований классической исторической науки – непрерывность и последовательность.

Психолог, новеллист и теоретик истории Элко Рунья, размышляя о диалектике разрывов в истории и историографии, опирается на философские интуиции гениального Джанбаттиста Вико, касающиеся природы культурных изменений, и утверждает, что прошлое более непознаваемо, чем думают историки, поскольку задним числом стирает разрывы, и в то же время может быть более понятным, потому что эти разрывы отчасти можно обнаружить в сохраняющихся «институтах» прошлой культуры, «составляющих биотоп, в котором мы живем» (см. [Runia, 2014]).

«Институты» для Д. Вико, по мнению Е. Рунья, это такие компоненты культуры, как правовая система, традиции, конвенции, язык, а также механизмы их связи, которые люди используют во взаимодействии друг с другом. Это очень похоже на «институты» неоинституционалистов с той разницей, что прошлое не просто предшествует настоящему, но активно «живет» в нем. Для обозначения такого «присутствия» Рунья предлагает специальный термин *presence* и призывает историков исследовать именно такое «прошлое», которое настраивает на понимание жизни в современном мире.

Фуко называют «кочующим интеллектуалом», поскольку он всегда работал в междисциплинарном режиме. Вся его жизнь была опытом преодоления институциональных и дисциплинарных границ. Возможно, поэтому обновляющая энергия его творчества до сих пор не исчерпана, сохраняет свою историчность. В частности, значительный интерес представляет его концептуализация «истории настоящего времени» (см. [Garland, 2014]). Изучение «истории настоящего» порождает важный сдвиг в понимании не только *исторического*, но и предметности исторической науки. Это убедительно показали французские историки, создавшие в 1978 г. Институт истории настоящего времени. В течение полувека новая субдисциплина отстаивала свое право на существование, а сегодня органично вошла в историческую науку. Важной составляющей этого успеха стало радикальное переосмысление базовых понятий историографии, в том числе *исторического времени* (см. [Droit, Reichherzer, 2013]).

В поисках исторического времени

Райнхарт Козеллек считал, что из всех вопросов, поставленных исторической наукой, одним из самых трудных является «определение того, что собой представляет историческое время» [Koselleck, 1990, p. 9]. Немецкого историка интересовала не только История, но и историографическая практика, историчность мышления и человеческой активности, а также проблематика времени и многочисленных темпоральностей, которые пытается уловить исторический разум [Koselleck, 1997].

Ученый полагал, что историческое время рождается между 1750 и 1850 гг. в процессе *темпорализации* жизненного опыта в неразрывной связи опыта и ожидания, сопровождаясь проблематизацией божественного порядка и автономизацией порядка социального. Время в этот период (Sattelzeit) приобретает историческое качество, производное от опыта. Одновременно рождается будущее, которое можно планировать, а вместе с ним и историческая дисциплина, представившая линейное время физики и техники как историческое, что в исследовательской практике, по сути, сводилось к хронологии. М. де Серто писал, что именно соединение истории с хронологией в XIX в. позволило историкам не думать о качественном историче-

ском времени. Однако за последние тридцать лет в философии и во всех науках без исключения, в том числе в историографии проделана большая работа, направленная на создание более сложной и тонкой теории темпоральности. Формируется трансдисциплинарное предметное поле *time studies*, где одной из проблем остается преодоление понимания исторического времени, сложившегося в эпоху *modernity* (см. [Rethinking Historical...2019]).

Тридцать лет назад И. Пригожин и И. Стенгенс писали, что историки, используя внешнее ньютоновское время, отрицают жизненные процессы и структуру живой материи [Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 35]. Однако под влиянием антропологов, социологов и психологов историки включили в свои труды размышления о времени человеческом, социальном. Появилось понятие *темпорализации опыта* (М. Хайдеггер, Р. Козеллек, Ф. Бродель, Ф. Артог, Ж. Диди-Юберман и др.) (см., например, [Escudier, 2009]), в историографию включили пришедший из естествознания термин *темпоральность*, характеризующий восприятие времени и его качественную специфику (см., например, [Лукьянов, 2007]). Затем появились концепты *политика времени*, *политика памяти*, *историческая политика*, *политика синхронизации*, идея *множественной темпоральности*, синтагма *режим историчности*, которую сразу же дополнили *режимом темпоральности*, и множество других новаций, свидетельствующих о радикальном изменении темпорального опыта в современном мире.

Стержнем новой концепции времени является идея многомерной темпоральности, в рамках которой основные модусы времени обсуждаются в трансдисциплинарном режиме как реляционные категории, содержание которых формируется в практиках. Исследуется и обосновывается не только тесная взаимосвязь этих основных модусов, но и их историческая изменчивость, а также гетерогенность каждого из них.

В течение XVIII в. множество исторических времен, характерных для зарождающейся эпохи *modernity*, было синхронизировано с линейным, гомогенным, телеологическим временем прогресса. Эта синхронизация была достигнута с помощью набора разнородных жанров: универсальных историй, энциклопедий, таблиц, романов, карт мира. В работах, относящихся к этим жанрам, исследователи находят модели исторического времени, которые предполагают не только одну, но и множество темпоральностей, разворачивающихся одновременно в разных регионах мира, а также в разных областях знания или социальной практики. Это очевидно, например, в работах Гердера, который одновременно диагностировал множественность различных времен и искал способы их синхронизации (см. [Jordheim, 2014]).

Основы исторической дисциплины сформировались в эпоху *modernity*. Стержнем ее стало линейное время, которое движется от прошлого к будущему через настоящее. При этом прошлое и настоящее были отделены друг от друга, а их смешение связали с *анахронизмом*, который историки до недавнего времени считали недопустимой темпоральной ошибкой. Современные исследователи показали, что введение этого понятия в качестве обязательной нормы является одним из проявлений *политики времени* (см. [Fabian, 1983; Osborn, 1995; Социология власти, 2016, №2]). Такая политика породила неравенство во времени или *аллохронизм*, который стал нормой жизни, организующей все ее проявления [Fasolt, 2014]. Иными словами, формирование темпорального режима эпохи *modernity* понимается как политический процесс, а работа с хронологией предстает как одна из самых политизированных процедур историографической операции.

В XXI в. усилиями историков, антропологов, искусствоведов, философов *анахронизм* полностью реабилитирован (см. подробнее [Олейников, 2014]). Более того, в многочисленных текстах показано, что смешение времен – норма в историографической практике. Особенно убедительно это представлено в исследованиях по истории памяти, коммеморации, травмы, ностальгии, а также в гендерных и постколониальных.

После Второй мировой войны под сомнение были поставлены прогностические возможности исторической науки и прошлое отделили не только от настоящего, но и от будущего. Тем не менее попытки переосмыслить природу исторического времени продолжались. В частности, была обоснована мысль о том, что главные модусы времени не столько последовательны, сколько одновременны. Появилось понятие *одновременность неодновременного*. Лучшее всего эта идея была обоснована Хайдеггером, который еще в начале 1960-х гг. объяснил, что три модуса времени могут работать только в режиме одновременности. Их разделение чревато серье-

езными проблемами. Вот несколько избранных мыслей из его трудов. *Историческое* – не просто «то, что прошло», история – это о том, *как* появилось настоящее. История – это связь событий и аффектов, которая движется через прошлое, настоящее и будущее. Здесь прошлое не имеет особого приоритета. Даже исторический объект, принадлежащий прошлому времени, объективно присутствует в настоящем, потому что он представляет собой онтологическое определение *Dasein* [Хайдеггер, 1997]. Попытки переосмыслить природу исторического времени и основы исторической политики предпринимались не только философами, но и учеными. Самые известные связаны с именами Ф. Броделя, Р. Козеллека, К. Помьяна. К. Дюбара, П. Шасне, Ф. Артога, А. Ассман, Ж. Баше и др.

Возникают вопросы: почему линейное время продолжает доминировать в исследованиях ученых, в преподавании, в политике, в повседневной жизни? Почему большинство историков считают, что история – это наука о прошлом, автономная дисциплина, не связанная с политикой, что позволяет не вмешиваться в общественные дебаты и работать в соответствии с конвенциональными нормами, основы которых сложились еще в XIX в.? Почему установки, которые давно и аргументированно отклонены как нерелевантные современному состоянию исторического познания, продолжают жить? Это очень важные вопросы. Их обсуждение заслуживает специального внимания. Приведу лишь одно мнение.

Американский японист Стефан Танака в своей новой книге исходит из того, что сила времени заключается в способности устанавливать временные стандарты, одинаковые везде и для всех, приспособлять разные времена, разные темпоральные режимы друг к другу, то есть синхронизировать их. Для хронологического времени преобладающий временной стандарт известен как среднее время по Гринвичу (GMT). Он был принят в 1884 г. в результате сложных технологических и политических переговоров. Для линейного исторического, а по сути, магического времени, которое помимо хронологических единиц включает в себя события, действия, опыт, традиции, периодизации и др., наиболее близким к темпоральному стандарту, по мысли Танаки, является идея прогресса, которая такой же продукт сложных и постоянных практик синхронизации, как и Гринвич [Tanaka, 2019].

Наше привычное линейное историческое время, утвердившееся в XIX в. в качестве основы автономной исторической дисциплины, – тоже один из способов темпорализации и синхронизации, в которой так нуждался европейский мир после французской революции. Эта синхронизация способствовала становлению национальных государств и определенного мирового порядка, обеспечила формирование исторического мышления и сознания у огромной массы людей, в том числе у тех, кто решал управленческие задачи. Но уже Первая мировая война, которая была полной неожиданностью и трагедией для современников, показала несовершенство такой синхронизации: люди поняли, что главное в их жизни не прошлое, но настоящее.

«Классическое время является внешним по отношению к человеческой деятельности, – пишет Танака. – Оно основано на ньютоновской физике. Это имеет решающее значение при разработке современных систем, которые направляют, организуют и контролируют. Мы использовали механическую метрику, чтобы упорядочить и понять жизненные процессы. История в хронологическом времени сделала акцент на измерении категориальных единиц, в частности, она требует знания прошлого. История, основанная на временах, происходящих из жизненных процессов, человеческого познания и социальной активности, становится важным исследованием, которое может подчеркнуть человеческие взаимосвязи и общение в прошлом и их отношение к настоящему». [Танака, 2019, p.5].

Нас окружают неоднородность, множественность и сложность, но они скрыты сетью знаний, которая появилась для контроля этой неоднородности посредством создания упорядоченной и объединяющей системы. Стержень ее – линейная темпоральность. Задача заключается в том, чтобы с помощью интеллектуального поиска восстановить человеческие практики и чувства, а возможно, как писал Мишель де Серто, «реорганизовать места для общения людей».

Отношение историков к линейному историческому времени как единственно возможному и правильному философ Бербер Бевернаж назвал «темпоральным манихейством» и показал, что это парализует работу большинства комиссий по установлению исторической истины или правды (см. [Bevernage, 2014]). Иными словами, такое понимание исторического времени мешает согласованию множества спорных вопросов исторической политики на всех континентах,

а не только в Европе. Более того, утвердившаяся в XIX в. темпоральная модель является одним из главных препятствий для преодоления апорий и парадоксов, накопившихся в историческом познании. После исторического поворота эти апории стали составной частью познания в целом. Вот почему темпоральная проблематика оказывается стержнем многих проблем, порожденных эпохой антропоцена.

В мире и познании происходят радикальные перемены, в которых проявляется прежде не очень заметная сила настоящего. Французский историк Серж Грузинский, получая в 2015 г. на XXII международном конгрессе историков престижную премию за свои труды по глобальной истории, сказал, что главный вопрос, который волнует всех, а не только ученых, «заключается в том, чтобы выяснить, какие инструменты нужны, чтобы понять мир, в котором мы живем. Если история не сможет помочь в этом, то скоро не будет ни студентов историков, ни преподавателей истории».

В культуре постепенно утверждается мысль о перформативной роли истории и историков в нашей современности. Занимаясь осмыслением старого и нового в историческом процессе и интеллектуальном поиске, историки не просто изучают прошлое, они участвуют в формировании историчности и темпорального режима, в котором живут, помогая людям анализировать жизненные ситуации, принимать решения, формировать правила коммуникации и создавать «институты» как базовые культурные структуры, определяющие жизнь в настоящем и позволяющие находить в ней ресурсы для размышлений о будущем. В этой связи особую остроту приобрел вопрос о неизбежной политической ангажированности историка, о научной и гражданской ответственности ученого, которая сегодня как никогда важна не только для исторического сообщества, но и для настоящего и будущего нашей планеты.

Библиографический список

- Артог Ф.* Порядок времени, режимы историчности // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 3 (59).
Историки в поисках новых перспектив. Монография / под ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.
- Казакова В.И.* Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // *Вестник Новгородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. Сер. «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии»* 2012. №3. С. 6–16.
- Ле Гофф Ж.* История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 302 с.
- Лукьянов О.В.* Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 299, июнь. С. 164–170.
- Мешонник А.* Рифма и жизнь. М.: ОГИ, 2014. 400 с.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и формирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Б. и., 1997. 190 с.
- Олейников А.* Откуда берётся прошлое? Апология анахронизма // *Нов. лит. обозрение*. 2014. 2 (126). С. 337–344.
- Савельева И., Полетаев А.* История как знание о прошлом // *Логос*. 2000. №2. С.39–74.
- Серто М. de.* Разновидности письма, разновидности истории: Введение к монографии «История как письмо» (1975) / пер. Б. Дубина // *Логос*. 2001. № 4.
- Тоштендаль Р.* Возвращение историзма? Неинституционализм и «исторический поворот» в социальных науках // *Диалог со временем*. 2010. № 30. С. 14–25.
- Тулмин Ст.* Человеческое понимание. Благовещенск. Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртена, 1998. 304 с.
- Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ-ВША, 2005. 419 с.*
- Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. Биbihина. М.: Ад Маргинем, 1997. 452 с.
- Чеканцева З.А.* Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века // *Диалог со временем*. 2018. Вып. 65. С. 6–20.
- Шлыков В.* Память прошлых других как трансцендентальная экспликация историчности: к онтологии исторического сознания. Севастополь: Б. и., 2005. 256 с.

- Aymes M.* Historicités // Labyrinthe [En ligne], 17 | 2004 (1), mis en ligne le 13 juin 2008, consulté le 03 octobre 2016. URL: <http://labyrinthe.revues.org/174> (дата обращения: 15.11.2017).
- Bevernage B.* Transitional justice and historiography: challenges, dilemmas and possibilities// *Macquarie law journal*. 2014. 13. P. 7–24.
- Bevernage B., Lorenz Ch.* Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future// *History of Historiography: International Review*. 2013. N 1 (63). P. 31–50.
- Droit E., Reichherzer F.* La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique // *Vingtième Siècle: Revue d'histoire*. 2013/2. N° 118. P. 121–145.
- Escudier A.* Temporalisation et modernité politique: penser avec Koselleck // *Annales. Histoire. Sciences Sociales*. 2009. № 6. P. 1269–1301.
- Fabian J.* *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press, 1983. 272 p.
- Fasolt C.* *Past Sense: Studies in Medieval and Early Modern European History*. Leiden: Brill, 2014. 658 p.
- Garland D.* What is a «history of the present»? On Foucault's genealogies and their critical preconditions // *Punishment & Society*. 2014. Vol. 16(4). P. 365–384.
- Jordheim H.* Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization // *History and Theory*. 2014. 53, no. 4. P. 498–518.
- Koselleck R.* *L'expérience de l'Histoire*. Paris: Gallimard/Seuil, 1997. 247 p.
- Koselleck R.* *Le futur passé : contribution à la sémantique des temps historiques*. Paris: Ed. de l'EHESS, 1990. 334 p.
- Martin S.* L'historicité radicale du langage. URL: <http://www.fabula.org/cr/278.php> (дата обращения: 15.11.2017).
- Meschonnic H.* *Critique du rythme, Anthropologie historique du langage*. Verdier, 1982. 730 p.
- Morsel J.* Traces ? Quelles traces ? Réflexions pour une histoire non passéiste // *Revue historique*. 2016/4. n° 680. P. 813–868.
- Noël P.-M.* Les historiens québécois et la question de l'historicité de leur savoir // *Erudit*. 2012. Vol. 53, n. 1, janvier – avril. P. 11–39.
- Osborn P.* *The Politics of time: Modernity and Avant-Garde*. London: Verso. 1995. 285 p.
- Rancière J.* *Les noms de l'histoire. Essai de poétique du savoir*. Paris: Le Seuil, 1992. 224 p.
- Rancière J.* *Les mots de l'histoire du cinéma // Les Cahiers du Cinéma n°496*, 1995.192 p.
- Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism / Ed. by M. Tamm and L. Olivier*. London: Bloomsbury Publishing Plc. 2019. 240 p.
- Runia E.* *Moved by the Past. Discontinuity and Historical Mutation*. Columbia University Press, 2014. 246 p.
- Rüsen J.* *History, Narration, Interpretation, Orientation*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2005. 236 p.
- Tanaka S.* *History without Chronology*. Lever Press. 2019. Stable. URL: (дата обращения: 25.11.2019).

Дата поступления рукописи в редакцию 12.07.2019

PATH DEPENDENCE, POLITICS OF TIME AND METAMORPHOSIS OF HISTORY

Z. A. Chekantseva

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Leninskiy ave., 32a, 119334, Moscow, Russia
zinaidachekantseva@gmail.com

Path dependence, used in social sciences to model phenomena of various natures, provides an opportunity to reflect on how knowledge about the past works. In the new millennium, the ethos of history and its role in the lives of people occupy a large place in transdisciplinary research programs and discussions, in which not only historians, but also philosophers and representatives of all sciences, without exception, participate. It is connected with rethinking the conceptual foundations of historical knowledge and the formation of a new historical culture. The article discuss-

es modern controversial trends in the epistemology of historiography related to the problems of historical dynamics and such basic concepts for historical knowledge as historicity, historical time, and the politics of time. Analysis of avant-garde trends in intellectual culture allows us to show how changes occur in the understanding and production of the historical. In the context of a rapidly changing world and a radical renewal of temporal experience, the discovery of the politics of time, the rethinking of historicity, and the search for high-quality historical time clarify the specifics of modern historical research, which is born at the intersection of theory and practice. Culture affirms the idea of the performative role of history and historians in our time. Historians do not just study the past; they participate in forming historicity and the temporal regime in which they live, helping people analyze life situations, make decisions, form the rules of communication, and create "institutions" as basic cultural structures that determine life in the present and allow them to find resources for thinking about the future.

Key words: knowledge of the past, epistemology of historiography, transdisciplinarity, historicity, politics of time, temporal experience, historical time.

References

- Artog, F. (2008), "Time order, modes of historicity", *Neprikosnovenny zapas*, № 3 (59), pp. 19–38.
- Aymes, M. (2004), "Historicités", *Labyrinthe*, available at: <http://labyrinthe.revues.org/174> (accessed: 15.11.2017).
- Bevernage, B. (2014), "Transitional justice and historiography: challenges, dilemmas and possibilities", *Macquarie law journal*, № 13, pp. 7–24.
- Bevernage, B. & Ch. Lorenz (2013), "Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future", *History of Historiography: International Review*, № 1 (63), pp. 31–50.
- Chekantseva, Z.A. (2018), "Historicity and history in the intellectual culture of the 21st century", *Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii*, № 65, pp. 6–20.
- Chekantseva, Z.A. (ed.) (2019), *Istoriki v poiskah novyh perspektiv* [Historians in search of new perspectives], Akvilon, Moscow, Russia, 416 p.
- Droit, E. & Reichherzer, F. (2013), "La fin de l'histoire du temps présent telle que nous l'avons connue. Plaidoyer franco-allemand pour l'abandon d'une singularité historiographique", *Vingtième Siècle: Revue d'histoire*, № 118, pp. 121–145.
- Escudier, A. (2009), "Temporalisation et modernité politique : penser avec Koselleck", *Annales. Histoire. Sciences Sociales*, № 6, pp. 1269–1301.
- Fabian, J. (1983), *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*, Columbia University Press, New York, USA, 272 p.
- Fasolt, C. (2014), *Past Sense: Studies in Medieval and Early Modern European History*, Brill, Leiden, Netherlands, 658 p.
- Garland, D. (2014), "What is a 'history of the present'? On Foucault's genealogies and their critical pre-conditions", *Punishment & Society*, № 16(4), pp. 365–384.
- Haydegger, M. (1997), *Bytie i vremya* [Being and time], Ad Marginem, Moscow, Russia, 326 p.
- Jordheim, H. (2014), "Introduction: Multiple Times and the Work of Synchronization", *History and Theory*, № 53, 4, pp. 498–518.
- Kazakova, V.I. (2012), "Conceptualization of 'path dependence' in contemporary social science", *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsial'nyh sistemah. Kommunikativnye tekhnologii»*, № 3, pp. 6–16.
- Koselleck, R. (1990), *Le futur passé: contribution à la sémantique des temps historiques*, Ed. de l'EHESS, Paris, France, 334 p.
- Koselleck, R. (1997), *L'expérience de l'Histoire*, Gallimard/Seuil, Paris, France, 247 p.
- Le Goff, Zh. (2013), *Istoriya i pamyat'* [History and memory], ROSSPEN, Moscow, Russia, 302 p.
- Luk'yanov, O.V. [2007], "Existential analysis and the nature of time. The trans-temporal nature of existential experience", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 299 (I), pp. 164-170.
- Martin, S. (2002), "L'historicité radicale du langage", *Acta fabula*, № 3, 2, available at: <http://www.fabula.org/cr/278.php> (accessed: 15.11.2017).
- Meschonnic, H. (1982), *Critique du rythme, Anthropologie historique du langage*, Verdier, Lagrasse, France, 730 p.
- Meshonnik, A. (2014), *Rifma i zhizn'* [Rhyme and life], OGI, Moscow, Russia, 400 p.
- Morsel, J. (2016), "Traces ? Quelles traces ? Réflexions pour une histoire non passéiste", *Revue historique*, № 680, pp. 813–868.
- Noël, P.-M. (2012), "Les historiens québécois et la question de l'historicité de leur savoir", *Erudit*, № 53, janvier – avril, pp. 11–39.
- Nort, D. (1997), *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i formirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic shaping], Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala», Moscow, Russia, 190 p.
- Oleynikov, A. (2014), "Where does the past come from? Apology for anachronism", *Novoe literaturnoe obozrenie*, № 2 (126), pp. 337–344.

- Osborn, P. (1995), *The Politics of time: Modernity and Avant-Garde*, Verso, London, UK, 285 p.
- Rancière, J. (1992), *Les noms de l'histoire. Essai de poétique du savoir*, Le Seuil, Paris, France, 224 p.
- Runia, E. (2014), *Moved by the Past. Discontinuity and Historical Mutation*, Columbia University Press, New York, USA, 246 p.
- Rüsen, J. (2005), *History, Narration, Interpretation, Orientation*, Berghahn Books, New York; Oxford, USA; UK, 236 p.
- Savel'eva, I. & A. Poletaev (2000), "History as knowledge of the past", *Logos*, №2, pp. 39–74.
- Savel'eva, I.M. & A.V. Poletaev (eds.) (2005), *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past], GU-VShA, Moscow, Russia, 419 p.
- Serto, M. de. (2001), "Varieties of writing, varieties of history. Introduction to the monograph «History as a Letter»", *Logos*, № 4, pp. 7-18.
- Shlykov, V. (2005), *Pamyat' proshlyh drugih kak transtsendental'naya eksplikatsiya istorichnosti: k ontologii istoricheskogo soznaniya* [The memory of past of others as a transcendental explication of historicity: toward an ontology of historical consciousness], SevNTU, Sevastopol', Ukraine, 256 p.
- Tamm, M. & L. Olivier L. (eds.), (2019), *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism*, Bloomsbury Publishing Plc., London, UK, 240 p.
- Tanaka, S. (2019), *History without Chronology*, Lever Press, Amherst, USA, available: <https://lib.ugent.be/catalog/ebk01:4100000010105022> (accessed: 25.11.2019).
- Toshtendal', R. (2010), "The return of historicism? Neo-institutionalism and the 'historical turn' in the social sciences", *Dialog so vremenem*, 30, pp. 14–25.
- Tulmin, St. (1998), *Chelovecheskoe ponimanie* [Human understanding], BGK im. I.A. Boduena de Kurtena, Blagoveshhensk, Moscow, Russia, 304 p.